

усиливается именно предшествующей исповѣдью «du moins crédule enfant de ce siècle sans foi». А лихорадочное ожиданіе новаго слова, выражающееся въ цѣломъ рядѣ пламенныхъ вопросовъ (avec qui marche donc l'aurole de feu?.. Où donc vibre dans l'air une voix plus qu'humaine?.. Qui de nous, qui de nous va devenir un dieu?..) — развѣ оно знакомо только тѣмъ, которые хотятъ, но не могутъ вѣрить? Развѣ оно не находитъ отголосковъ въ душѣ всѣхъ тѣхъ, которые недовольны настоящимъ, которые мечтаютъ о лучшемъ будущемъ? Развѣ «огненный ореолъ», напрасно отыскиваемый Мюссе на сѣромъ горизонтѣ, неразрывно связанъ съ головой основателя новой религіи — или, лучше сказать, развѣ подъ именемъ новой религіи можно понимать только повтореніе, въ новой формѣ, старыхъ явленій?.. Послѣдующія главы поэмы не могутъ сравняться съ первой; симпатія къ герою поэмы немислима, его участь можетъ внушить только сожалѣніе — но какъ поэтично обрисовано, въ послѣднихъ стихахъ, пробужденіе живого, чистаго чувства въ сердцахъ Ролла и Маріи, какъ много эпизодовъ, картинъ, полныхъ своеобразной прелести, исполнѣ достойныхъ «пѣвца любви»! Припомнимъ, на примѣръ, предсмертныя слова сломаннаго цвѣтка (j'aime, lui dit la fleur, et je meurs embrasée des baisers du zéphyr, qui me relèvera. J'ai jeté loin de moi, quand je me suis parée, les éléments impurs qui souillaient ma fraîcheur) и соединенный съ ними любовный гимнъ природы (j'aime! — voilà le mot que la nature entière crie au vent qui l'emporte, à l'oiseau qui le suit!..).

Если въ характеристикѣ Мюссе есть пробѣлы, есть фальшивыя ноты, то рядомъ съ ними встрѣчаются и страницы, въ которыхъ мы узнаемъ обычное мастерство Брандеса. Нельзя говорить о Мюссе и не коснуться отношеній его къ Ж. Занду; но Брандеса не занимаютъ подробности давно извѣстнаго эпизода, онъ не старается опредѣлить, кто виновенъ — elle или lui. Въмѣсто этого банальнаго и неважнаго вопроса, онъ ставитъ другой, въ высшей степени интересный — вопросъ о вліяніи Мюссе на творчество Ж. Занда, Ж. Занда — на творчество Мюссе. «Онъ оставляетъ ее растерзанной, пораженной, отчаянной, больше чѣмъ когда-либо убѣжденной въ томъ, что фальшивость — общій порокъ всѣхъ женщинъ. Она оставляетъ его съ смѣшаннымъ чувствомъ — сначала почти утѣшенная, потомъ надорванная до глубины души, въ концѣ-концовъ довольная освобожденіемъ отъ кризиса, тяготившаго надъ ея дѣятельной, спокойной натурой, — оставляетъ его съ новымъ сознаніемъ превосходства женщины надъ мужчиной, съ укрѣпившимся убѣжденіемъ, что слабость — синонимъ